

УДК [911.3+2-78](630)

ДИНАМИКА КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭФИОПИИ

© 2026 г. И. А. Захаров^{1, 2, *}

¹Институт Африки РАН, Москва, Россия

²Институт географии РАН, Москва, Россия

*e-mail: vanszax@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.06.2025 г.

После доработки 20.12.2025 г.

Принята к публикации 23.12.2025 г.

В статье анализируется религиозная конкуренция между направлениями христианства в городах Эфиопии по материалам переписей населения. Показано, что интенсификация конкуренции между христианскими церквями была обеспечена активизацией протестантских миссионеров; это становится заметно не только в крупных, но также в средних и особенно в малых городах. В соответствии с пространственной логикой развития религиозной конкуренции регионы Эфиопии разделены на два типа: “регион опережает город” — рост внутрирелигиозной конкуренции начинается в сельской местности, а затем в городах, и “город опережает регион” — интенсификация внутрирелигиозной конкуренции начинается в городе. В силу догоняющего характера урбанизационных процессов и того, что Эфиопская православная церковь (ЭПЦ) исторически пользовалась широкой поддержкой властей в городах страны, большая часть регионов отнесена автором к первому типу. На основе материалов полевого исследования, проведенного в Турми и Димеке — малых городах Южного Омо (регион Южной Эфиопии) в 2024 г., определены пространственные механизмы трансформации их конфессионального ландшафта. В определении последнего акцент сделан на историко-географических аспектах проникновения христианских церквей в рассматриваемый полигон, которое происходило в три волны: 1) вход ЭПЦ и католической церкви; 2) ранние протестанты; 3) поздние протестанты. Установлено, что конкуренция между церквями разных волн проявляется не только в изменении соотношения их численности, но и в перестройке конфессионального ландшафта. Последнее выражается в перераспределении площади земельных участков, принадлежащих религиозным организациям, в борьбе за символическое доминирование главным образом путем строительства культовых сооружений, а также в расширении социальной миссии. Усиление конкуренции христианских организаций в городах стимулирует более обеспеченные церкви первых двух волн расширять миссионерское поле в сельскую местность. Показано, что этот процесс играет важную роль в расширении геопространства течений христианства в рассматриваемом регионе и становится одним из ключевых факторов роста городов в Южном Омо.

Ключевые слова: конфессиональный ландшафт, религиозный ландшафт, христианство, внутрирелигиозная мозаичность, урбанизация, Эфиопия, Южное Омо, конфессиональное пространство

DOI: 10.7868/S2658697526020036

ВВЕДЕНИЕ

После демократических реформ, запущенных в 1990-х годах (Мезенцев, 2015), конфессиональное пространство Эфиопии претерпело серьезные изменения в результате интенсификации конкуренции между религиями, а также их направлениями. Основными конкурирующими конфессиями в этой стране являются право-

славие¹, ислам, а также протестантизм, который продемонстрировал наиболее интенсивный рост числа своих последователей. Ныне соотношение этих общин примерно равно (Захаров, 2023а). Если в XX в. крупнейшие конфессии Эфиопии

¹ В основном последователей Эфиопской православной церкви, принадлежащей к числу древневосточных православных нехалкидонских церквей.

конкурировали в основном за сельские регионы, то с ускорением темпов урбанизации в XXI в. конкуренция между ними сместилась на уровень городов. Повышенное внимание религиозных организаций к микроуровню конфессионального пространства Эфиопии объясняется тем, что города имеют принципиальное значение для развития их геопространства; концентрируя население, они становятся привлекательными полигонами для миссионерской работы, а благодаря своему социально-экономическому потенциалу — важным плацдармом для дальнейшей экспансии религиозных организаций внутри страны и за ее пределы.

В настоящей статье обозначенная проблематика рассматривается с фокусом на христианские организации в городах, с целью определения закономерностей развития внутрирелигиозной конкуренции на микроуровне конфессионального пространства Эфиопии. Для этого автором предпринимается попытка, во-первых, оценить динамику конкуренции между течениями христианства в городах разного ранга вплоть до малых. Во-вторых, на основе материалов полевого исследования, проведенного на юге Эфиопии в 2024 г., определить влияние интенсификации религиозной конкуренции на конфессиональный ландшафт малых городов, выражающейся в изменении территориальной организации инфраструктуры христианских организаций.

МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Городское измерение религиозной конкуренции привлекает широкое внимание отечественных географов, однако, в основном в контексте этнических процессов (Бабкин и др., 2024; Zhitin, 2024). В географии религий одним из первых на важность изучения обозначенной проблемы обратил внимание С.А. Горохов (Горохов, 2020; Горохов и др., 2022), который заложил методологические основы для изучения религиозной конкуренции, в том числе на уровне глобальных городов мира. Тем не менее масштабы исследования С.А. Горохова не позволили охватить более низкий территориальный и компонентный уровни конфессионального геопространства; их рассмотрение на примере Эфиопии представляется нашим вкладом в конкретизацию выявленных ранее закономерностей.

В качестве основного инструмента анализа динамики внутрирелигиозной конкуренции мы используем индекс Горохова (далее ИГ) (Горохов, 2014), который в географии религий используется для определения уровня религиоз-

ной мозаичности той или иной территории: чем ближе его значение к 1, тем более гетерогенной является компонентная структура конфессионального пространства определенной территории. Для повышения информативности индекса его автором выделяются следующие интервалы значений ИГ: 0.000–0.280 — для крайне гомогенных территорий, 0.281–0.556 — относительно гомогенных, 0.557–0.820 — относительно гетерогенных, 0.821–1.000 — крайне гетерогенных.

$$\text{ИГ} = \frac{1 - \sum_{i=1}^m \pi_i^2}{1 - 1/m}, \quad (1)$$

где m — количество конфессий; π — доля i -ой конфессии в конфессиональной структуре соответствующей территории.

В выборку для расчета ИГ вошло 58 городов² Эфиопии, информация о конфессиональной структуре населения которых содержится в переписях населения 1994 и 2007 гг.³ В соответствии с особенностями урбанизации мы разделили города Эфиопии на пять рангов по численности населения: 1-й — более 1000 тыс. чел., 2-й — 250–1000 тыс. чел., 3-й — 100–250 тыс., 4-й — 50–100 тыс., 5-й — до 50 тыс. В силу роста городов их выборка по рангам менялась: если в 1994 г. рассматривалось 47 городов 5-го ранга, то в 2007 г. — только 38, следовательно, размер выборки по 4-му рангу увеличился с 6 до 9, 3-му — с 2 до 8, оставшиеся 2-й и 1-й ранг не изменились — 2 и 1 город соответственно. В компонентной структуре христианства мы рассматриваем три течения: православие, протестантизм и католицизм.

Использование ИГ применительно к городам Эфиопии позволяет выявить тенденции развития внутрирелигиозной конкуренции, однако результаты расчетов ничего не говорят нам о механизмах этого процесса. В связи с этим автор привлекает материалы полевого исследования, проведенного с апреля по май 2024 г. в регионе Южной Эфиопии, в частности, в городах 5 ранга — Турми и Димека (зона Южное Омо, вореда Хамар). Выбор этих городов определяется, во-первых, усилением в них конкуренции между христианскими организациями, во-вторых, их небольшими размерами, что позволило в краткие сроки достаточно подробно изучить территориальный полигон. В ходе исследования были составлены планы конфессионального

² В переписях 1994 г. конфессиональная статистика дается по гораздо большему количеству городов, однако в 2007 г. данных по большей части из них нет, поэтому они были исключены из итоговой выборки.

³ Ethiopia Statistics Service. <http://www.statsethiopia.gov.et> (дата обращения 12.04.2025).

ландшафта этих городов, собрана серия глубинных интервью с представителями десяти христианских организаций и местной администрацией, что позволило более точно понять функциональную сложность элементов конфессионального ландшафта.

В статье термин “конфессиональный ландшафт” используется в трактовке, близкой к классической (Поплавский и др., 2024, с. 91–92) — как совокупность культовых и внекультовых объектов, используемых религиозными организациями для отправления ритуала, реализации социальной миссии и т.д. К сожалению, сжатые сроки сбора материала не позволили получить более полное представление о пространственных аспектах функционирования конфессионального ландшафта; без внимания автора остались, например, ареалы крестных ходов. В статье также отдельно не рассматривается религиозный ландшафт выбранных городов, поскольку в силу его связанности с понятием сакральности это потребовало бы более глубокого погружения в местную культуру, что выходит далеко за рамки настоящего исследования.

В изучении динамики конфессионального ландшафта автором подчеркивается важность учета историко-географических аспектов его развития, в том числе года начала работы и получения участков христианскими организациями под разные цели, например, под кладбище, строительство церкви и иной инфраструктуры. Важным представляется и то, как эти организации вписываются в городское пространство, беря на себя те или иные функции, например, образовательные. Оценка “баланса” между набором услуг, предлагаемых религиозными организациями и государством, также представляется важным индикатором, позволяющим судить о тенденциях развития конфессионального ландшафта. В этом контексте, применительно к локальному уровню исследования мы видим необходимость адаптации трактовки понятия конфессионально-географического положения, предложенного в (Горина, 2011), до взаиморасположения объектов инфраструктуры конкретных религиозных организаций не только к “религиозным данностям других территорий”, но и друг к другу, а также инфраструктуре других религиозных организаций и населенного пункта в целом.

Теоретической основой для изучения внутррелигиозной конкуренции в городах Эфиопии выступает маркетинговая парадигма (Горохов, 2020; Захаров, 2023а; Stark and Bainbridge, 1985; и др.), использование которой представляется возможным на всех территориальных уровнях. В исследовании динамики конфессионального ландшафта городов мы ориентируемся

на классические методы культурной географии и географии религий, предложенные (Büttner, 1974; Sopher, 1967; Zelinsky, 1961; и др.). На западе эти исследовательские традиции уступили место более сложным с точки зрения верификации подходам в постмодернистском ключе, однако отечественные географы во многом продолжили их развитие в сциентической парадигме (Дружинин, Стрелецкий, 2015). В результате, как отмечают авторы (Стрелецкий, Горохов, 2022), культурно-ландшафтное исследовательское направление стало одной из визитных карточек российской культурной географии. Среди большого объема публикаций особую ценность для понимания религиозной конкуренции в избранном нами полигоне представляют теоретические труды (Калуцков, 2008; Культурный ..., 2004; Стрелецкий, 2002; и др.), а также исследования, которые носят прикладной характер (Калуцков и др., 2015; Manakov and Andreev, 2011; Starikova and Sheludkov, 2022).

В отечественной географии религий ландшафтный подход получил меньшее развитие; эта оптика оказалась более востребованной в среде российских историков и религиоведов, чье внимание сосредоточено на изучении конфессиональных ландшафтов регионов России (Мавлютова и др., 2023; Sidorov, 2015). Отдельного внимания заслуживают методологические работы социологов, например (Островская, Алексеева, 2018), в которых предпринимается попытка адаптировать подходы западной социологической традиции применительно к изучению религиозных ландшафтов городов России.

Настоящая статья также продолжает проблематику исследований, анализирующих механизмы влияния религиозных организаций на урбанизационные процессы в контексте стратегий их миссионерской и социальной работы в странах Африки, например, Нигерии (Lawanson, 2021), Гане (Cobbinah and Korah, 2015; De Witte, 2008; Meyer, 2004; Warikobo, 2014) и др. Тем не менее городское измерение религиозной конкуренции пока что остается на периферии внимания географов. Без должного внимания остается и Эфиопия. Автору известны лишь отдельные работы, в которых избранная проблематика рассматривается в контексте конфронтации христиан и мусульман на примере крупнейших городов страны (Abbink, 2011; Stockmans and Büscher, 2017). При этом, если раньше проблема межобщинных противоречий в Эфиопии рассматривалась эфиопистами через призму этнического фактора, то в последнее время наблюдается рост числа публикаций, акцентирующих роль религиозной конкуренции в их возникновении (Haustein and Østebø, 2011; Haustein et al., 2023; Østebø, 2023; Sommerschuh, 2022; Waga and Berhanu, 2024).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Динамика конкуренции направлений христианства в городах Эфиопии. Проведенные расчеты свидетельствуют о существенном росте мозаичности христианства в городах Эфиопии, что свидетельствует об усилении внутрирелигиозной конкуренции в рассматриваемый период. Главной причиной этого процесса стало увеличение доли протестантов в христианском населении — с 1994 по 2007 г. их доля возросла с 16.5 до 29.6%. В то же время доля последователей Эфиопской православной церкви сократилась с 82.0 до 69.3%. Согласно (Brown and James, 2019), эта тенденция сохранилась — к 2015 г. доля протестантов достигла 37.5%, а православных — 61.6%.

Если в 1994 г. усредненное значение индекса Горохова по городам практически всех рангов соответствовало категории крайне гомогенных, то в 2007 г. они перешли в категорию относительно гомогенных. В среднем значение ИГ по всем рассмотренным городам выросло на 0.149 доли ед. (65.6%), однако его динамика отличалась высокой дифференциацией по их рангам (табл. 1). Так, наиболее заметный рост мозаичности показали города с численностью населения 100–250 тыс. чел. — в 3 раза, а также Аддис-Абеба и малые города — почти в 2 раза; при этом в городах с населением менее 10 тыс. чел. значение ИГ увеличилось почти в 5 раз — с 0.167 до 0.790. Значительных изменений не наблюдалось лишь в крупных городах с населением 250–1000 тыс. чел., где религиозная мозаичность оставалась на высоком уровне на протяжении всего рассматриваемого периода.

Аналогичные тенденции к росту конкуренции внутри христианства были характерны для всего

городского населения страны (а не только городов, включенных в выборку); значение ИГ для него выросло в 2 раза — с 0.225 до 0.494 долей ед. Расхождение полученных значений ИГ по выборке городов и городскому населению регионов в целом в 2007 г. (см. табл. 1) можно объяснить переходом части рассматриваемых малых городов в более высокий ранг при увеличении их общего числа. При этом, судя по имеющимся данным, рост мозаичности христианского населения Эфиопии в целом стал в большей степени определяться именно небольшими по численности городами.

В региональном разрезе наблюдается существенные диспропорции в значениях и динамике ИГ по выборке городов (табл. 2). В 1994 г. крайне гомогенные города преобладали в регионах Амхара, Бенишангуль-Гумуз, Дыре-Дауа, Сомали, Тыграй, Центральная Эфиопия, низкая мозаичность христианства была характерна и для Аддис-Абебы; относительно гомогенные — в Оромии, Юго-Западной Эфиопии; относительно гетерогенные — в Гамбеле, Сидама, Южной Эфиопии. В 2007 г. города Бенишангуль-Гумуз, Дыре-Дауа и Сомали столкнулись с усилением конкуренции между течениями христианства и перешли в категорию относительно гомогенных; города Центральной и Юго-Западной Эфиопии стали относительно гетерогенными, а Южной Эфиопии — крайне гетерогенными.

Регионы Эфиопии, по которым производились расчеты, можно разделить на два типа исходя из пространственной логики развития конкуренции направлений христианства: “регион опережает город”, где интенсификация конкуренции идет из сельской местности в города, и “город опережает регион”, где этот процесс имеет обратное направление.

Таблица 1. Динамика средних значений индекса Горохова по направлениям христианства в городах Эфиопии, 1994–2007 гг.

Численность населения городов, тыс. чел.	Индекс Горохова по на- правлениям христиан- ства, доли ед.		Разница, 1994–2007 гг.	
	1994	2007	доли ед.	%
Более 1000	0.154	0.271	0.117	76.2
250–1000	0.440	0.475	0.035	7.9
100–250	0.109	0.312	0.203	186.7
50–100	0.222	0.368	0.146	65.9
До 50	0.224	0.387	0.163	72.5
Всего: по выборке/ по городскому населению в целом	0.226/0.225	0.375/0.494	0.149/0.269	65.6/119.6

Составлено автором по Ethiopia Statistics Service.

Таблица 2. Региональная динамика средних значений индекса Горохова по течениям христианства в Эфиопии, 1994–2007 гг.

Регион	Индекс Горохова по городам, доли ед.		Разница, 1994–2007 гг.		Индекс Горохова по регионам, доли ед.		Разница, 1994–2007 гг.	
	1994	2007	доли ед.	%	1994	2007	доли ед.	%
Аддис-Абеба	0.154	0.271	0.117	76.2	0.154	0.271	0.117	76.2
Амхара	0.076	0.120	0.044	58.3	0.005	0.010	0.005	97.3
Бенишангуль-Гумуз	0.236	0.492	0.257	108.9	0.395	0.641	0.246	62.4
Гамбела	0.790	0.749	–0.041	–5.2	0.754	0.541	–0.213	–28.3
Дыре-Дауа	0.170	0.303	0.133	78.0	0.171	0.303	0.131	76.5
Оромия	0.302	0.541	0.239	79.2	0.453	0.713	0.260	57.3
Сомали	0.132	0.330	0.198	150.6	0.471	0.335	–0.136	–28.9
Тиграй	0.019	0.027	0.007	37.5	0.012	0.014	0.002	11.3
Харари	–	–	–	–	0.103	0.322	0.219	211.3
РНННЮ*	0.497	0.717	0.220	44.3	0.805	0.638	–0.167	–20.8
Сидама	0.711	0.648	–0.063	–8.9	–	–	–	–
Центральная Эфиопия	0.198	0.604	0.406	205.2	–	–	–	–
Юго-Западная Эфиопия	0.418	0.608	0.190	45.4	–	–	–	–
Южная Эфиопия	0.578	0.851	0.220	44.3	–	–	–	–
Всего по выборке	0.226	0.375	0.149	65.6	0.449	0.649	0.200	44.7

Примечание: * в 2020 г. из РНННЮ выделился регион Сидама, в 2023 г. — Юго-Западная и Южная Эфиопия, а оставшаяся территория получила название Центральная Эфиопия.

Составлено автором по Ethiopia Statistics Service.

Первый тип представлен Бенишангуль-Гумуз, Оромией, Регионом наций, национальностей и народов Юга (РНННЮ), Гамбелой, Сомали, а также Аддис-Абебой и Дыре-Дауа⁴. В Бенишангуль-Гумуз экспансия протестантизма, составлявшего конкуренцию православию, была более выражена в сельской местности, поэтому регион двукратно опережал город — доля протестантов в христианском городском населении за 1994–2007 гг. выросла с 6.3 до 14.4%, тогда как на уровне региона уже с 14.1 до 28.6%.

Аналогичные тенденции характерны для Ороми и регионов, ранее составлявших РНННЮ, которые в силу своего демографического веса в значительной степени определяют национальные тенденции развития конфессионального пространства Эфиопии. Здесь главным конкурентом православия также выступал протестантизм, экспансия которого проходила активнее в сельской местности. В случае Оромии расширение геопространства протестантизма от села к городу объясняется доминирующим

положением православия в городах, что могло затруднять проникновение в них новых конфессий. В 1994 г. этого течения придерживалось 88.6% христиан, в 2007 г. — 75.8%, в тот же период в сельской местности снижение доли православных происходило быстрее — с 81.9 до 62.6%; в обоих случаях сдвиги в конфессиональной структуре населения были связаны с экспансией протестантизма. В РНННЮ протестантские организации ориентировались на сельскую местность, поэтому внутрирелигиозная конкуренция интенсивнее шла именно там. При этом протестантизм активно теснил позиции православия: в 1994–2007 гг. доля последователей первых выросла с 53.2 до 71.3%, вторых — сократилась с 42.2 до 25.6%. С активизацией урбанизационных процессов мозаичность христианского населения начала увеличиваться и в городах. Тем не менее изменения в структуре городского христианского населения РНННЮ в анализируемый период шли относительно медленно — так, доля православных снизилась с 39.1 до 36.1%, протестантов — увеличилась с 57.2 до 59.2%. При этом

⁴ Для Аддис-Абебы и Дыре-Дауа “вмещающим” регионом автор считает Оромию.

протестантизм уже в 2007 г. стал крупнейшей христианской конфессией в городах Сидاما, достиг паритета с православием в Юго-Западной и Южной Эфиопии; только в городах Центральной Эфиопии православие сохраняло свои доминирующие позиции.

Снижение значений ИГ в Гамбела, как и в случае Сидاما, объясняется успехами протестантизма, который демонстрировал более быстрый рост в сравнении с православием. В Сомали наблюдалось снижение мозаичности христианства на уровне региона при его росте в городах — разнонаправленность этих процессов объясняется миграцией христиан в города и усилением позиций католицизма в сельской местности. В городах федерального подчинения Аддис-Абеба и Дыре-Дауа православие оставалось крупнейшей конфессией, что обуславливало низкие значения ИГ⁵. Тем не менее в 1994–2007 гг. наметился рост доли последователей протестантских церквей с 5 до чуть менее 10% в результате активизации их миссионерской работы и миграционных процессов.

Второй тип представлен регионами Амхара и Тыграй, которые на протяжении всего рассматриваемого периода отличались крайне низкой религиозной мозаичностью. Здесь сложились особые государственно-конфессиональные отношения — православие исторически занимало в этих регионах доминирующее положение, поэтому вход “нетрадиционных” конфессий был затруднен, а в сельской местности, судя по динамике значений ИГ и сокращению доли протестантов, это было практически невозможно. Более того, Тыграй вместе с Сомали были единственными регионами Эфиопии, где доля протестантов в общей численности христиан сократилась в результате их миграции в города этих и других регионов. На фоне доминирующего положения православия выделяется католическая община народа ироб, составлявшая порядка 6% населения Тыграя на протяжении всего рассматриваемого периода. Однако в настоящее время размер католической общины мог сократиться из-за военных действий на севере Эфиопии⁶, что, как представляется, привело к еще большей гомогенизации конфессионального пространства этого региона.

Тенденции региональной динамики, в целом, прослеживаются и на уровне отдельных городов.

⁵ Небольшие различия между регионом и городом Дыре-Дауа по этому показателю обусловлены неточным совпадением их границ, тем не менее большая часть христиан концентрируется именно в последнем.

⁶ Catholic Irob minority has lost its home in Ethiopia's Tigray region. The Catholic Herald, 2024. <https://thecatholicherald.com/catholic-irob-minority-has-lost-its-home-in-ethiopia-tigray-region/> (дата обращения 10.07.2025).

В 1994–2007 гг. их распределение по уровню мозаичности христианского населения изменилось за счет сокращения числа крайне гомогенных с 39 до 27 и увеличения представленности остальных категорий: относительно гомогенных — с 12 до 14, относительно гетерогенных — с 4 до 11, крайне гетерогенных — с 3 до 6 (рис. 1). Последние две категории, отличающиеся наиболее интенсивной конкуренцией между течениями христианства, почти полностью сосредоточены в Оромии и регионе Южной Эфиопии, в которых протестантские церкви наиболее активны. При этом в городах преимущественно православных регионов также наметился рост доли протестантов, хотя и не столь значительный, чтобы повлиять на значения ИГ. Можно было бы ожидать рост протестантской общины даже в таких регионах, как Амхара и Тыграй, однако конфликт на севере страны в 2020 г. мог радикальным образом скорректировать динамику их конфессионального пространства.

Реакция конфессионального ландшафта на интенсификацию религиозной конкуренции. Усиление религиозной конкуренции не только проявляется в изменении соотношения религиозных общин, но и способствует перестройке конфессионального ландшафта. Это может происходить в результате вхождения новых религиозных организаций и строительства ими соответствующей инфраструктуры — культовых (например, церквей) и внекультовых (школ, больниц, гостевых домов и др.) сооружений. В случае конфликтов или природных катаклизмов может происходить и обратный процесс, связанный с уничтожением культовых объектов или миграциями. В настоящей статье рассматривается первый сценарий. В качестве примеров выбран г. Димека, ставший новым административным центром зоны Южное Омо, и г. Турми — важный логистический и туристический центр.

В 2024 г. численность Турми составлял порядка 4 тыс. чел., Димеки — около 7 тыс. В обоих городах в результате экспансии протестантизма установился паритет этой конфессии и православия. Тем не менее в Турми удельный вес протестантов заметно выше, чем в Димеке — здесь Эфиопская православная церковь сохраняет свои позиции, а небольшая часть населения придерживается католицизма. Все христианские организации, оперирующие в рассматриваемых городах, ведут достаточно активную социальную и миссионерскую деятельность.

ЭПЦ в обоих городах присутствует фактически с момента их возникновения; первый храм в Турми начал функционировать в 1978 г., в Димеке — в 1984 г. Представители православ-

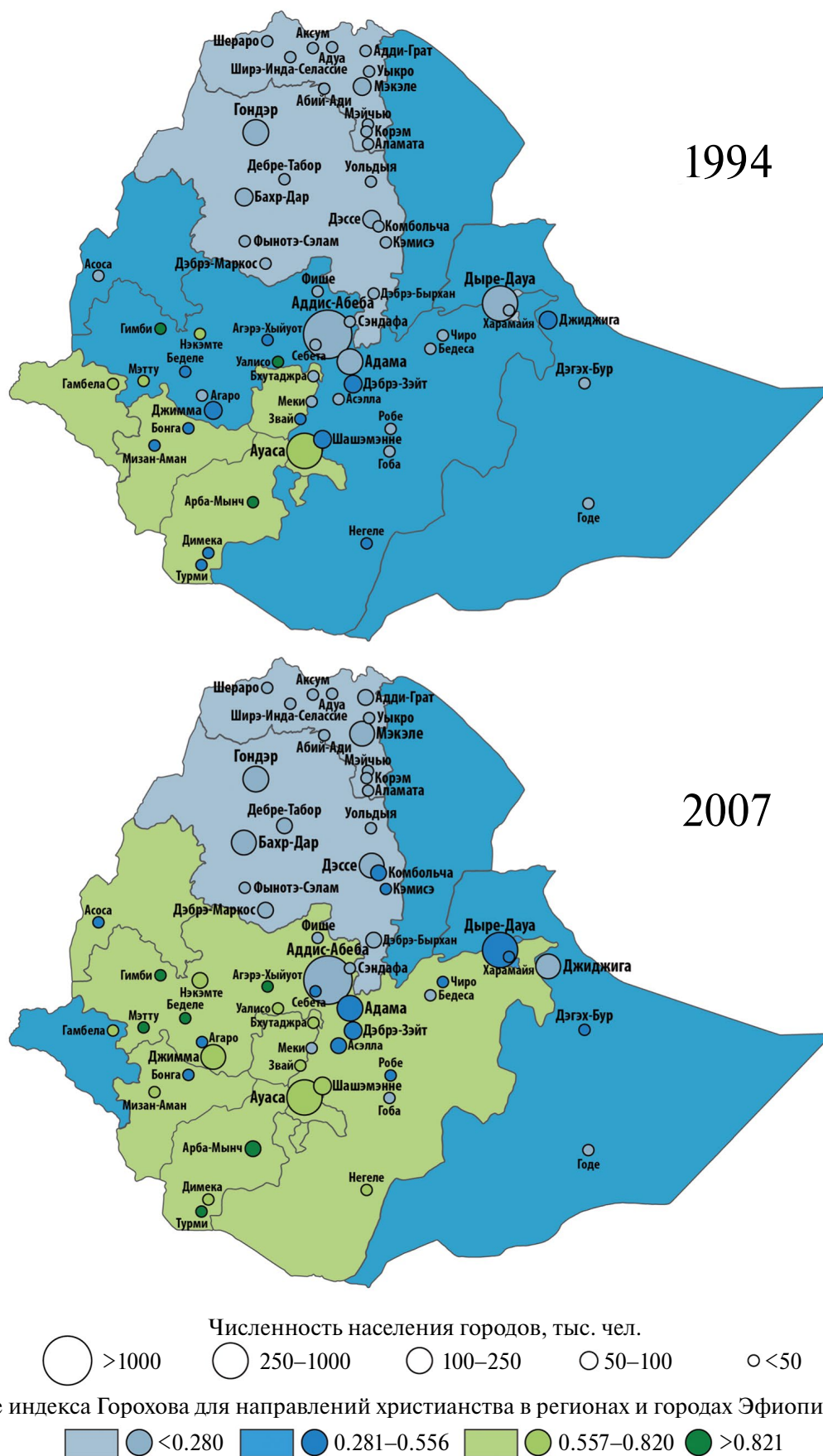

Рис. 1. Динамика уровня мозаичности христианства в регионах и городах Эфиопии, 1994–2007 гг.
 Составлено автором по Ethiopia Statistics Service.

ной общины здесь имеют высокое социальное положение, им принадлежит крупный по местным меркам бизнес, до последнего времени они занимали ключевые административные посты. Эфиопская католическая церковь (ЭКЦ) начала оперировать в Димеке с 1983 г. Ее деятельность изначально была связана с НКО SCORE, которая занимается практически только социальной миссией, главным образом за счет международных доноров — эта организация внесла значительный вклад в инфраструктурное развитие города, например, ею был построен водопровод и ряд социальных объектов. Проникновение протестантизма началось несколько позже, а увеличение его последователей изначально было связано с миграциями из ключевых городов бывшего РННЮ — Ауассы, Содо, Арба-Мынч. Протестанты представлены в основном рядовыми горожанами, бизнесменами, содержащими небольшие кафе, а также госслужащими, занимающими ныне ключевые посты в городской администрации Турми. Крупнейшими протестантскими церквями полигона исследования являются Кале Хейвот (Ethiopian Kale Keywet Church), Мекане Йесус (Ethiopian Evangelical Church Mekany Yesus), Фул Госпел — Церковь верующих полного Евангелия (Ethiopia Full Gospel Believers Church).

Формирование конфессионального ландшафта Турми и Димеки (рис. 2) происходило в три волны: 1) 1970–1980-е годы — начало функционирования православных приходов ЭПЦ, а также католического НКО в Димеке, 2) 1990–2010-е годы — ранние протестанты; вход крупных протестантских церквей, прежде всего Кале Хейвет и Мекане Йесус, возникших в Эфиопии или позиционирующих себя как автохтонные, 3) 2010–2020-е годы — поздние протестанты; в это время в рассматриваемых городах, прежде всего в Димеке, начали работу приходы относительно небольших⁷ протестантских церквей. При этом логика экспансии некоторых из них, по-видимому, определялась внутренними административными решениями — Фул Госпел в Димеке стала первой протестантской церковью второй волны, а в Турми она начала работать спустя более чем 20 лет; Мекане Йесус и Кале Хейвет, наоборот, начали свою работу в Турми, а в Димеку пришли с некоторым запозданием в 14 и 7 лет соответственно; католическая церковь хоть и стала первой религиозной организацией в Димеке, но, поскольку

она практически не занималась миссионерской работой, часовня⁸ была возведена ею только спустя 32 года.

По нашим расчетам в 2024 г. порядка 12% площади Димеки и около 17% Турми принадлежало или находилось в пользовании религиозных организаций. Особый интерес представляет изменение соотношения площади, находящейся во владении церковью разных волн (табл. 3). В обоих случаях удельный вес христианских церквей первой волны сокращался по мере расширения владений ранних протестантов, что было особенно заметно в Турми. При этом поздние протестанты пока что не смогли добиться получения крупных земельных участков. Замедление перераспределения площади между христианскими организациями может свидетельствовать о том, что динамичная фаза развития конфессионального ландшафта рассматриваемых городов в общем виде завершилась.

Помимо площади участков, занимаемых христианскими церквями, необходимо учитывать и их конфессионально-географическое положение. ЭПЦ занимает стратегически важную территорию вблизи социально-значимых объектов (рынков, банков и др.) в центре города в Димеке, а также на въезде в Турми у единственной асфальтированной дороги, вдоль которой сосредоточены объекты сферы услуг, административные объекты и пр. Небольшие протестантские церкви, не владеющие участками в Димеке, например, Международная церковь Бога, Адвентистская церковь, Международная церковь Глори Аутрич, арендуют дома вблизи общественных пространств. Аналогичной стратегии придерживалась конгрегация Фул Госпел в Турми, пока в 2023 г. не получила участок под строительство церкви⁹. Впрочем, некоторые организации, например, самая молодая протестантская деноминация Турми Церковь свидетелей Христа, не воспользовалась возможностью улучшить свое конфессионально-географическое положение из-за более высокой стоимости аренды недвижимости в центре города. Крупным протестантским церквям и ЭКЦ, хотя и принадлежат значительные площади, но они несколько удалены от городского центра и не так заметны в конфессиональном ландшафте. Возможно, именно в целях решения этой проблемы ранние протестанты смогли добиться выделения участка под кладбище¹⁰ на въезде в Турми.

⁸ Ораторий.

⁹ Представители этой церкви сообщили, что это стало возможно благодаря содействию сестринских церквей второй волны. Однако большая часть представителей протестантских церквей третьей волны не сообщали об аналогичной поддержке.

¹⁰ К сожалению, в Димеке нам не удалось посетить христианские кладбища в силу нехватки времени и того, что повышенный интерес к таким объектам вызвал слухи у мест-

⁷ За исключением Эфиопской Апостольской церкви, которая также считается одной из крупнейших автохтонных для страны протестантских церквей. Тем не менее ее проникновение на юг Эфиопии началось относительно поздно.

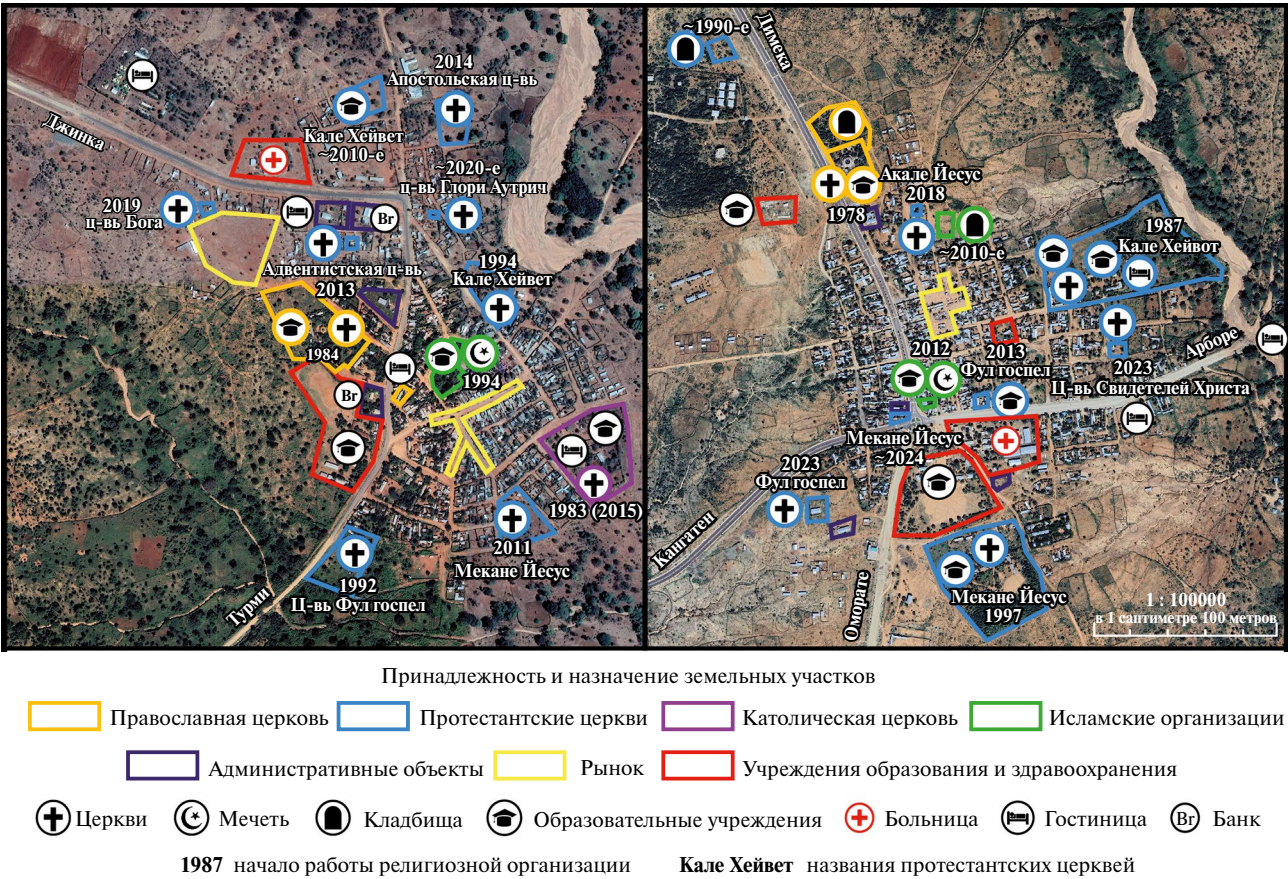

Рис. 2. Конфессиональный ландшафт Димеки (слева) и Турми (справа).
Составлено автором по материалам полевого исследования.

Таблица 3. Динамика соотношения площади, принадлежащей христианским организациям в Турми и Димеке, %

Волна	Город	Соотношение площади, принадлежащей христианским организациям			
		ЭПЦ	ЭКЦ	Ранние протестанты	Поздние протестанты
1-я	Турми	100	0	0	0
	Димека	50	50	0	0
2-я	Турми	24	0	74	0
	Димека	36	35	24	0
3-я	Турми	22	0	78	1
	Димека	31	30	29	7

Составлено автором.

Обеспечение символического доминирования в конфессиональном ландшафте — одна из приоритетных задач для руководителей церквей, особенно в таких городах, как Турми и Димека, отличающихся высокой плотностью религиозных организаций. Это измерение конкуренции отчетливо проявляется, прежде всего, в архитектурном населении в Турми, что автор статьи, якобы, общается с мертвыми.

турном плане. Так, ЭПЦ принадлежат крупные церкви, которые хорошо заметны в городском пространстве — в Турми, при одноэтажной застройке, заканчивается¹¹ строительство храма

¹¹ Можно предположить, что активизация строительства в последнее время была связана с тем, что конкуренция с протестантизмом стала более ощутимой для православной общины. При этом, как сообщили ее представители, рядовые протестанты также выражали желание помочь, но это не нашло одобрения со стороны протестантских пасторов.

высотой порядка 12–15 м; в Димеке ЭПЦ был создан целый комплекс из облагороженной территории и храма в эфиопском стиле, который является одной из немногих достопримечательностей новой столицы Южного Омо. Недавно построенная католическая часовня — еще один визуально заметный элемент конфессионального ландшафта Димеки, хотя и уступающий православному храму из-за своего периферийного положения. Протестантские организации практически не выделяются в архитектурном плане — церкви размещаются в одноэтажных зданиях барачного типа и обозначаются крестом; художественностью отличаются, пожалуй, только главные ворота. Разница подходов к архитектуре диктуется не только доктринальными особенностями, но и имеющимися у христианских организаций ресурсами. Строительству православных храмов изначально способствовало государство, а затем местный бизнес, который вносит свою лепту из доходов, а также осуществляет сбор пожертвований¹². Католическая часовня была построена во многом благодаря пожертвованиям иностранных меценатов и международных фондов¹³, с которыми тесно сотрудничает НКО SCORE.

Несмотря на менее заметное визуальное присутствие, протестантские церкви выделяются в конфессиональном ландшафте благодаря использованию звуковой аппаратуры, через которую почти каждый день утром и вечером транслируется проповедь. Как отмечают (De Witte, 2008; Meyer, 2004), “звуковая сакрализация”, помимо привлечения верующих на службу, может иметь большое значение для обеспечения символического контроля над городским пространством. По нашему опыту, в конкуренцию за такую “звуковую сакрализацию” вовлечены практически все религиозные организации, причем особенно заметным это становится в период наиболее важных церковных постов, например, Великого поста, на который пришла большая часть экспедиции¹⁴.

Привлечение населения также обеспечивается путем расширения функций религиозных организаций — помимо своей духовной миссии они ведут и социальную работу (Дмитриев, Горохов, 2019), часто на базе культовой инфраструктуры. Особенно это заметно в сфере образования, где религиозные организации составляют заметную

конкуренцию государству. Так, в Турми действует пять образовательных учреждений, в Димеке — три, в том числе единственный детский сад при ЭКЦ. Большая часть школ при церквях реализует образовательные программы в соответствии с национальным стандартом, но часть из них уделяет большее внимание религиозному образованию, которое тем не менее зачастую позиционируется как факультативное. Помимо образования церкви содержат гостевые дома (см. рис. 2) и ведут другие виды коммерческой деятельности, доходы от которой позволяют обеспечить и финансовые потребности церквей. Крупные христианские организации сотрудничают с государством для реализации проектов в сфере просвещения, поддержки реформ и инициатив [см. подробнее: (Захаров, 2024а, 2024б)]. В результате расширения своей внекультовой деятельности церкви становятся центрами притяжения, которые в силу высокой религиозности населения и безальтернативности досуга становятся драйверами развития городского пространства.

Последнему также способствует формирование политического представительства (Захаров, 2026). Чем такое представительство шире, тем большей административной поддержкой может пользоваться соответствующая конфессия для расширения своей инфраструктуры и обеспечения конкурентных преимуществ. Это прослеживается и в основных этапах формирования конфессионального ландшафта рассматриваемых городов: ЭПЦ, пользуясь поддержкой властей, смогла обеспечить себе стратегически выгодное конфессионально-географическое положение и вытеснить своих конкурентов на городскую периферию. В Турми, после прихода к власти протестантских политиков, церквям второй волны стало легче получить землю: в 2023 г. Фул Госпел выделен участок на юго-западе этого города, в 2024 г. Мекане Йесус добилась разрешения на строительство двухэтажного делового центра у кругового перекрестка. В то же время протестанты третьей волны сообщили о трудностях в получении участка под кладбище или строительство церкви. ЭПЦ столкнулась с попытками передать площадь Мескель, имеющую сакральное значение для православных эфиопов, во владение католиков.

Таким образом, меняющийся политический баланс в рассматриваемых городах во многом определяет неравенство христианских церквей в доступе к земельным ресурсам и является важным фактором изменения конфессионального ландшафта Турми и Димеки. В этих условиях происходит еще большее усиление религиозной конкуренции — особенно остро это ощущают представители ЭПЦ, которые в интервью отметили ослабление их позиций и политического

¹² Почти во всех заведениях сферы услуг, принадлежащих православным, установлен ящик для пожертвований на строительство храма и другие нужды ЭПЦ.

¹³ В Турми на оставшийся бюджет на строительство средней школы, выделенный по линии исламского банка, была построена мечеть.

¹⁴ Экспедиция пришла на Великий пост, когда православные службы в Эфиопии часто проводятся в ночное время.

влияния, а также агрессивную миссионерскую стратегию¹⁵ протестантов. Протестантские церкви второй волны в то же время выразили обеспокоенность междоминационными противоречиями, которые провоцируют отколы частных церквей, созданных отдельными пасторами, недовольными своим положением в материнской церкви. Более сдержанную позицию по отношению к росту конкуренции занимает ЭКЦ, которая, как отмечалось выше, получая значительное финансирование, ориентируется в первую очередь на социальную миссию и поэтому меньше вовлечена в соперничество с другими церквями.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

В общем случае динамика значений индекса Горохова свидетельствует о практически повсеместной интенсификации религиозной конкуренции между течениями христианства на уровне городов Эфиопии. Это объясняется смещением фокуса миссионерской деятельности протестантских церквей на города, а также миграцией христиан из сельской местности, которая особенно заметна в тех регионах, где они или их отдельные течения являются меньшинством. В результате число крайне гомогенных регионов по мозаичности христианского городского населения в рассматриваемый период снизилось, в то время как представленность остальных категорий возросла, в том числе относительно гетерогенных (Центральная и Юго-Западная Эфиопия) и крайне гетерогенной (Южная Эфиопия).

Судя по имеющимся данным, наиболее привлекательными для христианских организаций стали города численностью 100–250 тыс. чел., столица Эфиопии, а также малые города. Если привлекательность крупных городов в целом понятна, то значение малых городов нуждается в комментарии. В условиях стремительной урбанизации ЭПЦ, ЭКЦ и протестантские организации активнее конкурируют в малых городах Эфиопии, приобретающих большое значение как плацдармы для расширения миссионерской деятельности в сельскую местность. Имеющиеся данные позволяют предположить, что усиление религиозной конкуренции между христианскими церквями за городское население Эфиопии было особенно заметно в малых городах.

Пространственное развитие конкуренции направлений христианства в большинстве рассмотренных регионов развивается по типу “регион опережает город” — в сельской местности этот процесс шел значительно интенсивнее,

чем в городах, при этом в последних замещение одной религии другой происходило, как правило, медленнее. Такая логика развития геопространства христианства была характерна для Бенишангуль-Гумуз, Оромии, РНННЮ, Гамбелы, Сомали, а также Аддис-Абебы и Дыре-Дауа. Здесь, не считая городов федерального значения, протестантские церкви традиционно ориентировались на сельскую местность, а в городах начали активно работать лишь после начала демократических реформ 1990-х годов. Для Тыграя и Амхары, где православие сохраняет свое доминирующее положение, конкуренция между течениями христианства развивалась по типу “город опережает регион”. В этих регионах именно города являлись точками входа для новых христианских организаций, в то время как в сельской местности начало их работы было ограничено. Разделение регионов Эфиопии на эти два типа соотносится и с динамикой компонентой структуры христианства. В первом случае она, как правило, уступает таковой на уровне региона, т.е. религиозное замещение одного направления христианства другим в городах происходит медленнее, чем в регионе в целом. Во втором случае наблюдается обратная ситуация — изменение конфессиональной структуры населения городов идет быстрее, чем в регионе.

Наблюдающаяся в Эфиопии интенсификация внутрирелигиозной конкуренции выражается не только в изменении соотношения численности последователей христианских общин, но и в преобразовании конфессионального ландшафта. Наиболее ярко последнее проявляется именно в малых городах страны, что определяется их компактностью и, в случае отсутствия серьезных входных барьеров, привлекательностью для христианских организаций.

Конфессиональный ландшафт Турми и Димеки отличается комплексной структурой, которая сложилась в ходе трех волн экспансии христианских организаций, сопровождающихся интенсификацией конкуренции между ними как за adeptов, так и за территорию и другие ресурсы. В первую волну ЭПЦ благодаря поддержке местных властей и своему авторитету обеспечила себе выгодное конфессионально-географическое положение, заняв символически и стратегически важные участки в центре Димеки и на въезде в Турми. В то же время католической церкви, представленной НКО SCORE, был выделен крупный участок на юго-восточной окраине Димеки. Вторая волна связана с приходом крупных протестантских церквей, которым были выделены участки на периферии обоих городов. В третью волну обозначился рост числа достаточно многочисленных, но небольших по численности протестантских церквей. Почти

¹⁵ В частности, отмечались случаи принуждения к конверсии прихожан ЭПЦ и мусульман.

все они арендуют участки, распложенные, как правило, вблизи общественных пространств, на которые и нацелена их миссионерская активность. Параллельно с этим церкви второй волны смогли получить дополнительные участки ближе к важным элементам городской планировки, например, перекресткам.

Интенсификация религиозной конкуренции сопровождалась, во-первых, изменением соотношения площади участков, находящихся во владении церквей разных волн. С 1980-х годов оно менялось в пользу ранних протестантов второй волны, прежде всего Кале Хейвет, Мекане Йесус и Фул Госпел, особенно в Турми. Тем не менее Эфиопская православная церковь и Эфиопская католическая церковь смогли сохранить свои позиции в Димеке, где протестанты начали работать позже. Во-вторых, в расширении инструментария, используемого христианскими организациями для обеспечения их символического доминирования в конфессиональном ландшафте городов. Особенно важным представляется, с одной стороны, строительство культовых объектов, прежде всего храмов, которому повышенное внимание уделяет ЭПЦ и ЭКЦ, с другой стороны, расширение направлений социальной деятельности, чем занимаются практически все религиозные организации Турми и Димеки, но особенно ЭКЦ и ранние протестанты.

В целом, усложнение конфессионального ландшафта обоих городов в каждую последующую волну обеспечивалось притяжением относительно небольших церквей, которые следовали за крупными христианскими организациями. Этот процесс напоминает агломерационный эффект, который в данном случае проявляется в увеличении плотности религиозных организаций и, как следствие, росте разнообразия религиозного “продукта”. В связи с этим усиливается конкуренция церквей, что стимулирует их расширять миссионерское поле за пределы городов и активнее работать в окружающих деревнях. В этом отношении наибольшую активность проявляют церкви первой и второй волны, обладающие достаточными ресурсами для освоения нового миссионерского поля. Это представляется главным пространственным механизмом выявленной в (Горохов, 2020) закономерности, согласно которой усиление конкуренции между направлениями христианства приводит к расширению его геопространства.

В свою очередь расширение миссионерского поля стимулирует урбанизационные процессы в регионе. Так, конверсия в христианство, прежде всего в протестантизм, представителей местных народов Южного Омо, отличающихся традиционализмом и консервативностью, зачастую приво-

дит к потере новообращенными своего социального статуса и давлению со стороны односельчан, которое нередко приобретает насильственную форму. В случае, если неофиты не меняют своих убеждений, то чаще всего они либо изгоняются старейшинами, либо сами переселяются в города в поисках помощи со стороны христианской общины. В отдельных деревнях, где христианские миссионеры обеспечили себе поддержку старейшин, новообращенные получают возможность свободно исповедовать христианство, поддерживать контакты с церковью, посещать службы и даже отправлять своих детей на обучение в город. В результате интенсификация религиозной конкуренции опосредованно оказывает заметное влияние на прирост городского населения малых городов Эфиопии, который не связан напрямую с отходничеством или трудовой миграцией из деревень (Nefedova and Mkrtchyan, 2018). Аналогичная ситуация характерна и для других восточных Южного Омо, где местные народы сохраняют приверженность этнорелигиям и своим традициям. Тем не менее оценка масштабов реализации обозначенного механизма представляется задачей отдельного исследования.

Важную роль в реконфигурации конфессионального ландшафта рассматриваемых городов играет политический фактор, который выражается в поддержке христианских организаций, имеющих более широкую представленность в местной и региональной администрации, а в некоторых случаях — в создании барьеров для работы конкурентов. Как было показано в (Захаров, 2024б), поддержка определенных конфессий объясняется стремлением государства ускорить социально-экономическое развитие периферийных регионов современной Эфиопии. Однако опыт Южного Омо свидетельствует, что использование такого инструмента может производить обратный эффект. Усиление конкуренции между церквями в таких условиях способно спровоцировать конфликты, причем на разных структурных уровнях конфессионального пространства — между религиями, направлениями и деноминациями.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья подготовлена по материалам исследований по темам ГЗ ИАФР РАН № FMZE-2025-0012 и ГЗ ИГ РАН № FMWS-2024-0008. Полевое исследование, анализ собранных материалов проводились в рамках темы ГЗ ИАФР РАН № FMZE-2025-0012, определение динамики внутрирелигиозной конкуренции в городах разного ранга и ее влияния на перестройку конфессионального ландшафта проведено в рамках темы ГЗ ИГ РАН № FMWS-2024-0008.

FUNDING

The research was conducted as part of the Institute for African Studies RAS State Assignment no. FMZE-2025-0012 and the Institute of Geography RAS State Assignment no. FMWS-2024-0008. Field research, the analysis of the collected materials were carried out under State Assignment no. FMZE-2025-0012. The dynamics of inter-religious competition in cities of different ranks and its impact on the religious landscape were determined within the framework of State Assignment no. FMWS-2024-0008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабкин Р.А., Махрова А.Г., Медведникова Д.М.* Иностранные мигранты в Московской агломерации: пространственно-временной анализ на основе данных сотовых операторов // Изв. РАН. Сер. геогр. 2024. Т. 88. № 2. С. 105–119.
- Горохов С.А.* Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5. География. 2014. № 4. С. 56–61.
- Горохов С.А.* География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: Юнити-Дана, 2020. 235 с.
- Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Агафошин М.М.* Религия и государство: типы отношений на рынке религий // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. политической философии и социологии политики). 2022. № 3. С. 65–79.
- Дмитриев Р.В., Горохов С.А.* Геостратегическое соперничество негосударственных акторов в Африке: Римско-католическая церковь в борьбе за “континент надежды” // Уч. зап. Ин-та Африки РАН. 2019. № 4. С. 70–81.
- Дружинин А.Г., Стрелецкий В.Н.* “Культурная составляющая” общественной географии в современной России: генезис, особенности и приоритетные направления развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 1. С. 5–20.
- Захаров И.А.* Динамика конфессионального пространства Эфиопии в условиях демократических преобразований // Изв. РАН. Сер. геогр. 2023а. № 5. С. 690–700.
- Захаров И.А.* Политический фактор экспансии протестантизма в современной Эфиопии: национальный и локальный уровень // Изв. РАН. Сер. геогр. 2026. (в печати).
- Захаров И.А.* Продвигая фронт христианизации: внекультовая работа религиозных организаций в Южном Омо, Эфиопия // Studia Religiosa Rossica: научный журн. о религии. 2024а. № 4. С. 26–45.
- Захаров И.А.* Роль религиозных организаций в реализации национальной стратегии развития Эфиопии: опыт Южного Омо // Христианство на Ближнем Востоке. 2024б. № 3. С. 55–76.
- Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурно-географических исследованиях // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 4. С. 11–19.
- Калуцков В.Н., Матасов В.М., Шульгин П.М.* Прикладное культурно-ландшафтное районирование малых исторических территорий (на примере Казанского кремля) // Псковский регионологич. журн. 2015. № 21. С. 97–108.
- Культурный ландшафт как объект наследия / ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Изд-во “Дмитрий Буланин”, 2004. 620 с.
- Мавлютова Г.Ш., Черепанов М.С., Поплавский Р.О., Костомаров В.М.* Исламский ландшафт Тюменского края с начала XX до начала XXI века // Вестн. Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023. № 4. С. 106–123.
- Мезенцев С.В.* Эфиопия: застой или стабильность? // Азия и Африка сегодня. 2015. № 10. С. 45–52.
- Островская Е.А., Алексеева Е.В.* Структурированное наблюдение как метод изучения религиозного ландшафта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 71–115.
- Поплавский Р.О., Корандей Ф.С., Черепанов М.С.* Ландшафтная концепция и география религий (на материалах англоязычной географии) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2024. № 1. С. 90–99.
- Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С. 18–28.
- Стрелецкий В.Н., Горохов С.А.* Специфика и тенденции развития культурной географии в России в начале XXI века // Изв. РАН. Сер. геогр. 2022. № 3. С. 374–392.
- Abbink J.* Religion in Public Spaces: Emerging Muslim-Christian Polemics in Ethiopia // African Affairs. 2011. Vol. 110. № 439. P. 253–274.
- Büttner M.* Religion and Geography: Impulses for a New Dialogue between Religionswissenschaftlern and Geographers // Numen. 1974. Vol. 21. № 3. P. 163–196.
- Brown D., James P.* Religious characteristics of states dataset project — Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only. 2019.
- Cobbinah P., Korah I.* Religion Gnaws Urban Planning: the Geography of Places of Worship in Kumasi, Ghana // Int. J. of Urban Sustainable Development. 2015. № 2. P. 1–17.
- De Witte M.* Accra's Sounds and Sacred Spaces // Int. J. of Urban and Regional Research. 2008. № 3. P. 690–709.
<https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2008.00805.x>
- Haustein J., Idris A.K., Malara D.* Religion in contemporary Ethiopia: History, politics and inter-religious relations. Rift Valley Institute, 2023.
<https://clk.li/rLcy> (дата обращения 26.05.2025).
- Haustein J., Østebø T.* EPRDF's revolutionary democracy and religious plurality: Islam and Christianity in post-Derg Ethiopia // J. East. Afr. Stud. 2011. № 4. P. 755–772.
- Lawanson T.* Planning and Pentecostalism in the Spatial (Re-)Configuration of Lagos // Theorising Urban Development from the Global South / A.K. Mohan, S. Pellissery, J. Gómez Aristizábal (Eds.). Cham: Palgrave Macmillan, 2021.

- Manakov A.G., Andreev A.A.* Cultural and Landscape Zoning in the North-West Russia // *Balt. Reg.* 2011. № 4. P. 109–116.
- Meyer B.* “Praise the Lord”: Popular cinema and pentecostalite style in Ghana’s new public sphere // *Am. Ethnol.* 2004. № 1. P. 92–110.
- Nefedova T.G., Mkrtchyan N.V.* Regional differences of placing and forecasting labor resources of Russian agriculture // *Stud. Russ. Econ. Dev.* 2018. № 1. C. 62–71.
- Østebø T.* Religious Dynamics and Conflicts in Contemporary Ethiopia: Expansion, Protection, and Reclaiming Space // *Afr. Stud. Rev.* 2023. № 3. P. 721–744.
- Sidorov D.* Changing Russian Orthodox Landscapes in Post-Soviet Moscow // *The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics* / S.D. Brunn (Ed.). NY: Springer, 2015. P. 2453–2472.
- Sommerschuh J.* Answering the Protestant challenge: Orthodox Christianity as counterreformation in Southern Ethiopia // *Northeast Afr. Stud.* 2022. № 2. P. 69–89.
- Sopher D.E.* Geography of Religion. Foundation of Cultural Geography series. London: Prentice Hall, 1967. 118 p.
- Starikova A.V., Sheludkov A.V.* The Southern Urals and Trans-Urals: Inherited and New Pathways of Development // *Reg. Res. Russ.* 2022. Vol. 12 (Suppl. 1). P. 186–196.
- Stark R., Bainbridge W.S.* The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation. Berkeley: Univ. of California Press, Ltd., 1985. 578 p.
- Stockmans J., Büscher K.* A Spatial Reading of Urban Political-Religious Conflict: Contested Urban Landscapes in Addis Ababa, Ethiopia // *J. Mod. Afr. Stud.* 2017. № 1. P. 79–104.
- Waga A.A., Berhanu K.Z.* Political reform and religious violence in some Ethiopian regions since 2018: Evidence from Sidama, Somali, and Oromo // *Soc. Sci. Humanit. Open.* 2024. Vol. 10. P. 1–8.
- Warikobo N.* The Charismatic City and the Public Resurgence of Religion: A Pentecostal Social Ethics of Cosmopolitan Urban Life. NY: Macmillan, 2014.
- Zelinsky W.* An Approach to the Religious Geography of the United States: Patterns of Church Membership in 1952 // *Ann. Assoc. Am. Geogr.* 1961. № 2. P. 139–193.
- Zhitin D.V.* Spatial Characteristics of Ethnic Group Localisation in St. Petersburg // *Balt. Reg.* 2024. № 3. P. 163–186.

The Dynamics of Urban Religious Landscapes amid Intensifying Confessional Competition

I. A. Zakharov^{a, b, *}

^a*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

^b*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

*e-mail: vanszax@yandex.ru

This article examines competition among Christian denominations in Ethiopian towns, based on the dynamics of intra-religious diversity calculated from national census data using the Gorokhov Index. It is shown that the ongoing intensification of competition between Christian churches is primarily driven by the increased activity of Protestant missionaries, which has become evident not only in large cities but also in medium and especially small urban settlements. According to the spatial logic of religious competition, Ethiopian regions are classified into two types: “region-led areas”—where the rise of religious competition begins in rural areas and only later affects towns, and “city-led areas”—where intensification begins in the urban centres. Due to the “lagging” nature of Ethiopia’s urbanisation and the historically strong state support for the Ethiopian Orthodox Tewahedo Church (EOTC) in towns, most regions fall into the first type. Based on fieldwork conducted in the small towns of Turmi and Dimeka (South Omo Zone, Southern Ethiopia) in 2024, the article identifies spatial mechanisms underlying the transformation of the religious landscape. This transformation unfolded in three waves of Christian expansion: (1) entry of the EOTC and Catholic Church, (2) early Protestants, and (3) late Protestants. It is argued that inter-wave competition manifests not only in shifts of adherent’s number proportion but also in the spatial restructuring of the religious landscape—including redistribution of land, competition for symbolic dominance through the construction of worship sites, and the expansion of social missions. Heightened competition among religious organisations in urban areas has provoked better-resourced churches from the first two waves to extend their missionary outreach into rural areas. This process emerges as a key mechanism for the territorial expansion of Christianity in the region and serves as an important factor of urban growth in South Omo, as new converts—often marginalised in their home communities—relocate to towns in search of religious and social support.

Keywords: religious landscape, Christianity, religious mosaicism, urbanization, Ethiopia, South Omo, confessional space, small cities

REFERENCES

- Abbink J. Religion in public spaces: emerging Muslim-Christian polemics in Ethiopia. *Afr. Aff.*, 2011, vol. 110, no. 439, pp. 253–274.
<https://doi.org/10.1093/afraf/adr002>
- Babkin R.A., Makhrova A.G., Medvednikova D.M. Foreign migrants in the Moscow agglomeration: Spatio-temporal analysis based on mobile network operator data. *Reg. Res. Russ.*, 2024, no. 3, pp. 420–430.
- Brown D., James P. Religious characteristics of states dataset project — Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only. 2019. Available at: <https://www.thearda.com/data-archive?fid=RCSDEM2> (accessed: 01.10.2025).
- Büttner M. Religion and geography: Impulses for a new dialogue between religionswissenschaftlern and geographers. *Numen*, 1974, vol. 21, no. 3, pp. 163–196.
- Cobbinah P., Korah I. Religion gnaws urban planning: the geography of places of worship in Kumasi, Ghana. *Int. J. Urban Sustain. Dev.*, 2015, no. 2, pp. 1–17.
- de Witte M. Accra's sounds and sacred spaces. *Int. J. Urban Reg. Res.*, 2008, no. 3, pp. 690–709.
<https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2008.00805.x>
- Dmitriev R.V., Gorokhov S.A. Geostrategic competition of non-state actors in Africa: The Roman Catholic Church in the fight for the “Continent of Hope”. *Uch. Zapis. Inst. Afr. RAN*, 2019, no. 4, pp. 70–81. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31132/2412-5717-2019-49-4-70-81>
- Druzhinin A.G., Streletsky V.N. “Cultural branch” of human geography in contemporary Russia: Genesis, main peculiarities, and priorities of development. *Reg. Res. Russ.*, 2015, vol. 5, pp. 73–82.
<https://doi.org/10.1134/S2079970515010049>
- Gorokhov S.A. Religious fractionalization as a factor of regional economic development in the modern world. *Vestn. Mosk. Univ. Ser. 5: Geogr.*, 2014, no. 4, pp. 56–61. (In Russ.).
- Gorokhov S.A. *Geografiya religii: tsikly razvitiya global'nogo konfessional'nogo prostranstva* [Geography of Religions: Development Cycles of the Global Religious Landscape]. Moscow: Uniti-Dana Publ., 2020. 235 p.
- Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Agafoshin M.M. Religion and the state: types of relations in the religious market. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz*, 2022, no. 3, pp. 65–79. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-65-79>
- Haustein J., Østebø T. EPRDF's revolutionary democracy and religious plurality: Islam and Christianity in post-Derg Ethiopia. *J. East. Afr. Stud.*, 2011, no. 4, pp. 755–772.
<https://doi.org/1080/17531055.2011.642539>
- Haustein J., Idris A.K., Malara D. *Religion in contemporary Ethiopia: History, politics and inter-religious relations*. Rift Valley Institute, 2023. Available at: <https://clk.li/rLcy> (accessed: 26.05.2025).
- Kalutskov V.N. Landscape in cultural and geography studies. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2008, no. 4, pp. 11–19. (In Russ.).
- Kalutskov V.N., Matasov V.M., Shulgin P.M. Applied cultural-landscape zoning of small historical territory (case study: the Kazan Kremlin). *Pskov. Regionolog. Zh.*, 2015, no. 21, pp. 97–108. (In Russ.).
- Kul'turnyi landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural Landscape as a Heritage Site]. Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E., Eds. Moscow, St. Petersburg: Inst. Naslediya, Dmitry Bulanin Publ., 2004. 620 p.
- Lawanson T. Planning and Pentecostalism in the spatial (re-)configuration of Lagos. In *Theorising Urban Development from the Global South*. Mohan A.K., Pellissery S., Gómez Aristizábal J., Eds. Cham: Palgrave Macmillan, 2021.
https://doi.org/10.1007/978-3-030-82475-4_10
- Manakov A.G., Andreev A.A. Cultural and landscape zoning in the North-West Russia. *Balt. Reg.*, 2011, no. 4, pp. 109–116.
- Mavlyutova G.Sh., Cherepanov M.S., Poplavsky R.O., Kostomarov V.M. Islamic landscape of Tyumen Region in the early 20th — early 21st centuries. *Vestn. Tyumen. Gos. Univ. Gum. Issled. Humanitates*, 2023, no. 4, pp. 106–123. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-106-123>
- Meyer B. “Praise the Lord”: Popular cinema and Pentecostalite style in Ghana's new public sphere. *Am. Ethnol.*, 2004, no. 1, pp. 92–110.
- Mezentsev S. Ethiopia: stagnate or stability? *Azia Afr. Segodnya*, 2025, no. 10, pp. 45–52. (In Russ.).
- Nefedova T.G., Mkrtchyan N.V. Regional differences of placing and forecasting labor resources of Russian agriculture. *Stud. Russ. Econ. Dev.*, 2018, no. 1, pp. 62–71.
- Østebø T. Religious dynamics and conflicts in contemporary Ethiopia: Expansion, protection, and reclaiming space. *Afr. Stud. Rev.*, 2023, no. 3, pp. 721–744.
<https://doi.org/10.1017/asr.2023.11>
- Ostrovskaya E.A., Alekseeva E.V. Structured observation as a method of religious landscape studies. *Monitor. Obshch. Mnen.: Ekon. Sots. Peremen.*, 2018, no. 2, pp. 71–115. (In Russ.).
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.04>
- Poplavsky R.O., Korandei F.S., Cherepanov M.S. Landscape framework and geography of religion: a terminological aspect (a case study of geographical publications in English). *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2024, no. 1, pp. 90–99. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31857/S2587556624010086>

- Sidorov D. Changing Russian Orthodox landscapes in Post-Soviet Moscow. In *The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics*. Brunn S.D., Ed. New York: Springer, 2015, pp. 2453–2472.
https://doi.org/10.1007/978-94-017-9376-6_129
- Sommerschuh J. Answering the Protestant challenge: Orthodox Christianity as counterreformation in Southern Ethiopia. *Northeast Afr. Stud.*, 2022, no. 2, pp. 69–89.
<https://doi.org/10.14321/nortafirstud.22.2.0069>
- Sopher D.E. *Geography of Religion*. Foundation of Cultural Geography series. London: Prentice Hall, 1967.
- Starikova A.V., Sheludkov A.V. The Southern Urals and trans-Urals: Inherited and new pathways of development. *Reg. Res. Russ.*, 2022, vol. 12, pp. S186–S196.
<https://doi.org/10.1134/S2079970522700460>
- Stark R., Bainbridge W.S. *The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation*. Berkeley: Univ. of California Press, 1985.
- Stockmans J., Büscher K. A spatial reading of urban political-religious conflict: Contested urban landscapes in Addis Ababa, Ethiopia. *J. Mod. Afr. Stud.*, 2017, no. 1, pp. 79–104.
<https://doi.org/10.1017/S0022278X1600077X>
- Streletsky V.N. Geographical space and culture: theoretical attitudes and scientific paradigms in cultural geography. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2002, no. 4, pp. 18–28. (In Russ.).
- Streletsky V.N., Gorokhov S.A. Cultural geography in Russia in the early 21st century: Current state and key research areas. *Reg. Res. Russ.*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 67–79.
<https://doi.org/10.1134/S2079970522020083>
- Waga A.A., Berhanu K.Z. Political reform and religious violence in some Ethiopian regions since 2018: Evidence from Sidama, Somali, and Oromo. *Soc. Sci. Humanit. Open*, 2024, vol. 10, pp. 1–8.
<https://doi.org/10.24412/2587-9316-2024-0140>
- Warikobo N. The charismatic city and the public resurgence of religion: A Pentecostal social ethics of cosmopolitan urban life. New York: Macmillan, 2014.
- Zakharov I.A. Dynamics of the Ethiopian religious landscape during democratic transition. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2023, no. 5, pp. 690–700. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31857/S2587556623050096>
<https://doi.org/10.28995/2658-4158-2024-4-26-45>
- Zakharov I.A. Spatial dynamics of protestant expansion in Ethiopia: Political drivers at national and local scales. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2026. (In press).
- Zakharov I.A. Expanding the frontier of Christianization: non-cult activities of religious organizations in South Omo, Ethiopia. *Stud. Relig. Ross.: Nauch. Zh. Relig.*, 2024a, no. 4, pp. 26–45. (In Russ.).
- Zakharov I.A. The role of religious organizations in the national development strategy of Ethiopia: An experience from South Omo. *Christ. Blizhn. Vost.*, 2024b, no. 3, pp. 55–76. (In Russ.).
<https://doi.org/10.24412/2587-9316-2024-0140>
- Zelinsky W. An Approach to the Religious Geography of the United States: Patterns of Church Membership in 1952. *Ann. Assoc. Am. Geogr.*, 1961, no. 2, pp. 139–193.
<https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.1961.tb00372.x>
- Zhitin D.V. Spatial characteristics of ethnic group localisation in St. Petersburg. *Balt. Reg.*, 2024, no. 3, pp. 163–186.
<https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-8>